УДК 159.9

С. С. Розова

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: fedleks@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ОТВЕТ ГОСПОДАМ СОМНЕНИЕ И НЕВЕЖЕСТВО)

Дан критический анализ статьи А. А. Федорова и А. И. Васильева «Психическая реальность: 20 000 лье под водой (часть 1)» (Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология. 2011. Т. 5, вып. 2). Отмечается, что психология должна строиться по стандартам современной неклассической науки.

Ключевые слова: психическая реальность, неклассическая наука, социальная материя.

Состояние психологии не столь трагично. Разве можно, дорогие господа, так остро переживать трудности психологии! Короткий перечень вздыханий и громких восклицаний о судьбе современной психологии хочется еще раз повторить, чтобы с ним решительно не согласиться.

«Психология обречена...», «Цели психолога никогда не связаны с поиском истины...», «Психологи не имеют смелости и честности признать, что поиск истины здесь совсем не при чем...», «Гуманитарные науки... вот где пропасть бездельников!».

Состояние психологии не столь трагично. Есть психологи, которые видят пути выхода из кризиса и идут этими путями, перенося в психологию опыт других наук, в частности физики. Еще М. Г. Ярошевский, сопоставляя астрономию и психологию, попытался перенести опыт первой во вторую. Говоря о донаучной психологии, вращающейся вокруг сознания, он сопоставил ей Птолемеевскую астрономию, опирающуюся на непосредственно данный в наблюдении феномен: Солнце вращается вокруг Земли. Переход к научной психологии он обозначил как необходимость перейти к анализу отношения человека с миром.

Эту же аналогию использовал вслед за М. Г. Ярошевским Н. Н. Вересов, который углубил ее обращением к двум типам научных теорий: рефлексивной и эмпирической (позитивистской). Суть последней в теоретическом обобщении наблюдаемых фактов. Именно такой была и остается, по Н. Н. Вересову, методологическая установка современной психологии. «Мой заход другой», – говорит Н. Н. Вересов и, опираясь на опыт физики, подвергнувшей теоретической рефлексии постулаты об абсолютном пространстве и времени, предлагает перейти к критике и полному отказу от постулата психологии о существовании как отделенных друг от друга двух миров – внешнего и внутреннего, превратив этот постулат в объект специального анализа и объяснения. Он пишет, обсуждая эту проблему с А. Ю. Агафоновым: «Я согласен с тем, что первым постулатом является констатация онтологического существования психического. Но в любом теоретическом построении о сознании предполагается наличие существования внешнего и внутреннего... Это именно постулат или даже метапостулат, без которого и вне которого говорить о сознании вообще, казалось бы, не имеет смысла. Однако здесь есть один слабый пункт. А именно, вы постулируете, основываясь на эмпирическом опыте (называя его субъективной очевидностью)... Солнце восходит и заходит, и это тоже дано с очевидностью. И эта очевидность легла в основу геоцентрической астрономии. Астрономия Коперника построена на иных постулатах, просто противоречащих эмпирическому опыту, т. е. этой самой субъективной очевидности.

© С. С. Розова, 2012

Так вот, я утверждаю, что, если мы говорим о сознании, то *возможна* (а может быть и необходима) иная аксиоматика. Сохранение старой аксиомы приведет к тому, что любая теория сознания будет просто системой обобщений эмпирического опыта. Вы спросите, а чем это плохо? Ведь, по мнению многих, теория и есть обобщение эмпирического опыта для выявления общего, для выявления законов, лежащих в основе связи явлений, данных в опыте. Мой заход другой – я хочу выяснить, что делает возможным именно ТАКОЙ эмпирический опыт. Иначе говоря, если снова обратиться к классическому примеру астрономии, я хочу понять, почему для наблюдателей с Земли Солнце вращается вокруг Земли, хотя на самом деле все обстоит иначе. Я фактически сейчас говорю о том, что на самом деле существует два типа теорий. Есть теории рефлексивные и есть теории эмпирические. Первые потому и называются рефлексивными, что вырабатывают внутри себя аппарат рефлексивных процедур, т. е. в каждом шаге рефлексируют над ОСНОВАНИЯМИ эмпирического опыта. Другими словами, постоянно «держат вопрос» о том, почему опыт такой и никакой другой (почему для наблюдателей с Земли движется именно Солнце). Что же касается теорий не-рефлексивных, или, если называть вещи своими именами, позитивистских, то строятся они в полном соответствии с научными критериями и идеалами XVIII века... С самого начала своего существования психология была и остается наукой позитивистской. А вот физика, например, давно уже стала наукой рефлексивной, и в этом смысле для психологии может служить прекрасным примером для подражания» [Вересов, Агафонов, 2005. С. 13].

Спрашивается, ищутся в реальности или строятся внутри самой науки предметы научных дисциплин? Оба господина – и г-н Сомнение и г-н Невежество – уверены в том, что они ищутся и находятся в самой реальности. Их разговор завершается утверждением г-на Сомнение: «Можно даже предположить, что, отчаявшись найти предмет своей науки в реальности, психологи всеми силами пытаются его сконструировать». Авторы не говорят, хорошо это или плохо, но оттенок осуждения слышится явно.

Итак, хорошо это или плохо? Ответ предполагает необходимость разобраться в методологических установках науки. Все зависит от того, на какой методологической платформе будут стоять наши герои и мы с ними. А платформ две – это философские основания классической и неклассической науки. Первая опирается на понимание познания, как отражения предзаданного людям объективного мира, который задолго до их появления на планете Земля приобрел все те формы и законы, которые потом были открыты людьми, конечно еще далеко не все, но уж те, что были найдены в природе, были в ней «самой по себе». А отсюда и все остальные фундаментальные методологические установки классической науки: эволюция познания постепенно приближает нас к полному и адекватному отражению предзаданного нам мира, истинное знание отличается от ложного своим соответствием объективной реальности. Правда, вот критерия установления этого соответствия у нас нет, ибо не с чем нам сравнивать полученные знания, кроме как с ними же самими, ибо мы не Боги, и как Мир сам по себе устроен, мы знаем только так, как знаем.

В этой версии понимания природы познания человечество жило очень долго. Но вот теперь многое изменилось. И главное – это события в самом научном познании, которое силами физиков натолкнулось на необходимость разобраться с вновь открывшейся людям новой ролью прибора в квантовой механике. Прибор, вступая во взаимодействие с изучаемым фотоном или электроном, создавал новую реальность, что не могло не наводить на мысль о том, что полученную информацию следует относить не к изучаемой реальности самой по себе, а к взаимодействию объекта и прибора. Распространив на всю культуру (язык, логика рассуждений, предшествующие знания, приборная техника и прочие культурные ресурсы) роль приборов квантовой механики, мы получили новые философские основания для понимания познания: оно перестало быть отражением предзаданной людям природы и оказалось фиксацией продуктов взаимодействия Натуры и Культуры. Исчезла возможность рассматривать эволюцию познания, как приближение к предустановленному объективному идеалу.

Томас Кун так сформулировал этот поворот: «Мы можем для большей точности отказаться здесь от дополнительного предположения, явного или неявного, что изме-

нения парадигм ведут за собой ученых и студентов и подводят их все ближе и ближе к истине... Процесс развития, описанный в данном очерке («Структура научных эволюции». – *С. Р.*), представляет собой процесс эволюции от примитивных начал, последовательные стадии которого характеризуются все возрастающей детализацией и более совершенным пониманием природы. Но ничего из того, что было или будет сказано, не делает этот процесс эволюции *направленным* к чему-либо. Несомненно, этот пробел обеспокоит многих читателей. Мы слишком привыкли рассматривать науку, как предприятие, которое постоянно приближается все ближе и ближе к некоторой цели, заранее установленной природой. Но необходима ли подобная цель?.. Действительно ли мы должны считать, что существует некоторое полное, объективное истинное представление о природе и что надлежащей мерой научного достижения является степень, с какой оно приближает нас к этой конечной цели? Если мы научимся замещать "эволюцию к тому, что мы надеемся узнать", "эволюцией от того, что мы знаем", тогда множество раздражающих нас проблем могут исчезнуть» [Кун, 2001. С. 219–220].

Итак, философские основания неклассической науки, если мы примем ее исходные постулаты, заставят нас смотреть на познание уже не как на отражение того, что в Мире есть самом по себе, а как на творение в соавторстве с Природой, с объективной реальностью, тех картин изучаемой реальности, которые мы получаем. Творение... в соавторстве с Природой. Но функции теперь у этих двух соавторов – Культуры и Натуры – разные. Человек, Культура задают объективной реальности свои, человеческие вопросы, а Природа на них отвечает. И вот тут-то и можно по-разному оценить степень вклада каждого из соавторов в итоговый научный результат: содержание вопроса задает и содержание ответа, а сам ответ сводится только к «Да» или «Нет».

Мудрый В. Гейзенберг писал об этом так: «Мы должны помнить, что то, что мы наблюдаем, – это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется, благодаря нашему способу постановки вопросов» [1989. С. 27]. В этом высказывании В. Гейзенберг фактически солидаризуется с Кантом, повторяя на современном нам языке ту же самую мысль: «Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди... и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее, словно на поводу... Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, сообразно лишь с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания, но не как школьник, которому учитель подсказывает все, что захочет, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на предлагаемые им вопросы» [Кант, 1964. С. 85–86].

Вопросы предлагает человек. Природа отвечает ему, либо соглашаясь с ним, либо возражая. Но содержание задается вопросом. А вопрос – это либо эксперимент, либо пробная деятельность. И объектом познания теперь выступает не просто некий фрагмент объективной реальности, а особый натурно-культурный конструкт, который строится внутри самой науки и называется «предметной реальностью науки», т. е. в науке изучается не Мир сам по себе, а человеческая деятельность в нем. Поэтому и ответ на вопрос, хорошо это или плохо для современной психологии перестать искать предмет своего исследования в объективном мире и перейти к его конструированию внутри психологии, получает теперь однозначный характер: это хорошо, ибо соответствует методологическим стандартами современной неклассической науки.

Итак, не искать предмет психологии или то, что психология должна изучать, а строить его, конструировать, создавая предметную реальность психологии.

Понятие «предметная реальность науки» появилось в отечественной философской литературе в 1984 г. в статье видного философа и культуролога Михаила Борисовича Сапунова, ныне редактора журнала «Высшее образование в России», в журнале «Вопросы философии». Статья называлась «Проблемы реальности в биологии (предпосылки и уровни анализа)» и была направлена на то, чтобы ввести в аппарат отечественной философской мысли новые методологические установки неклассической

науки. Предмет анализа – проблема реальности в биологии – была выбрана не случайно. Именно здесь, в биологии, отчетливо проявилась необходимость осознания непригодности методологии познания как отражения для решения остро стоящих в биологии методологических проблем реальности объектов исследования: гена, вида, рода, эволюции, благоприобретенных признаков и т. п.

Биологи столкнулись с фактом существования во всех областях биологического знания альтернативных теорий, концепций, взглядов, *предписывающих действительному миру разные системы «реальных объектов»*, что наглядно свидетельствовало о сложно опосредованной связи научного знания с эмпирически данным миром живой природы. Особенно остро проблема реальности встает, когда обнаруживается, что знание биологов о том, «что существует на самом деле», периодически изменяется. А поскольку в биологической науке были в то время «чрезвычайно распространены наивно-натуралистические оценки учеными характера и смысла собственной деятельности» (М. Б. Сапунов), они не могли справиться с коренными перестройками содержания науки. Понадобилась специальная философская методологическая работа, которую и провел М. Б. Сапунов, по выявлению беспомощности созерцательной, отражательной методологии. Центром этой работы и явилось осознание необходимости ввести в методологический арсенал биологов различения между реальностью объективной и предметной реальностью науки.

Рассмотрим этот методологический сдвиг внимательнее, так как он напрямую относится к обсуждению господами Невежество и Сомнение проблемы реальности психики и проблемы психической реальности. Их различия заключаются в том, что первая – это вопрос о том, существует ли психика, а вторая – это вопрос о том, как она существует, ответ на который требует построения теоретической модели психической реальности. Обе проблемы у наших господ эксплицитно не различаются, но имплицитно присутствуют в их диалоге, причудливо переплетаясь друг с другом.

О философских основаниях классической науки М. Б. Сапунов говорит как о наивно-натуралистическом мировоззрении и наивно-натуралистической методологии, выделяя в них в качестве наиболее существенного момента «проскакивание» учеными самой проблемы реальности объектов исследования: «Очевидно, – пишет он, – что при таком уровне методологического сознания не является специальной проблемой и существование объектов науки. Ее (биологии. – *С. Р.*) утверждения прямо переводятся в суждения о существовании объектов в «самой по себе» действительности, во всяком случае предполагается наличие строгой процедуры отличения феноменов реальных от воображаемых». И еще: «Уже сам по себе факт существования во всех областях биологического знания альтернативных теорий..., предписывающих действительному миру разные системы “реальных объектов”... расшатывает наивное натуралистическое сознание, заставляет сомневаться в тривиальности ответов на вопросы: “что существует?”, “как существует?”, “что значит существовать?”... Коренные перестройки предметного содержания науки в условиях научных революций особенно ярко демонстрируют беспомощность созерцательной методологии, фетишистски отождествляющей предметность науки с объектами действительности как таковой и не могущей поэтому последовательно материалистически объяснить рост научного знания».

«Революционный процесс теоретизации биологии, – пишет М. Б. Сапунов, – все более подталкивает ученых к пониманию того, что мир, о котором говорят их теоретические и экспериментальные конструкции (мир «предметной реальности науки». – *С. Р.*), существенно отличается от того «мира живого», который описывается языком ненаучного опыта («объективная реальность». – *С. Р.*).

Итак, еще в 1984 г. отечественный философ Михаил Борисович Сапунов провел отчетливое различение этих двух понятий. Предметная реальность науки – это объект научного исследования, который на базе фрагмента объективной реальности, выделенного в ней данной наукой в целях изучения, строит сама наука путем его специальной обработки с целью придать ему форму, наиболее удобную для дальнейшего исследования и возможности сформулировать о нем научное знание, в частности, в форме законов. Характер этой обработки может быть очень различающимся в разных науках. Так, при построении физической реаль-

ности это, как правило, числовые или векторные описания выделенного фрагмента реальности. Например, изучая в газе зависимость изменений объема и давления друг от друга при постоянной температуре, физики объем и давление обозначают числами. Только в этом случае можно зафиксировать закон Бойля – Мариотта, в соответствии с которым произведение объема газа на его давление является величиной постоянной, как бы ни изменялись сами объем и давление. Выявить зависимость увеличения одного из них при уменьшении на такую же величину другого можно только для газа, где объем и давление обозначены числами. Сами объем и давление умножать друг на друга, очевидно, нельзя. Значит, и закон относится не к газу «самому по себе», а к газу, обозначенному числами, т. е. преобразованному людьми в целях его изучения.

Другим примером обработки фрагмента объективной реальности с целью получить возможность эффективно строить научное знание, может служить предварительная раскраска Земного шара в параллели и меридианы. Не проделав этой процедуры, мы не смогли бы сформулировать закон Бэра – Бабине, согласно которому реки, текущие в меридиональном направлении, имеют тенденцию к смещению русла в Северном полушарии вправо, а в Южном влево.

«Аналогичным образом, – пишет М. А. Розов, – можно подойти к любому закону физики типа закона Бойля-Мариотта, второго закона Ньютона или закона Кулона, все *они фиксируют свойства не реальности как таковой, а реальности, определенным образом обозначенной, определенным образом изображенной* (выделено мной. – *С. Р.*). [1997]. Другими словами, мы всюду сталкиваемся с вторжением культуры в те фрагменты объективной реальности, которые наука выделила для изучения.

Работая над поиском специального термина, которым важно обозначить, назвать именно этот, уже подвергнутый человеческому культурному воздействию фрагмент объективного мира, М. Б. Сапунов пишет: «Последовательно материалистическое объяснение диалектики субъективного и объективного в научной деятельности возможно лишь с позиций марксистской концепции о практической природе познания, т. е. с позиции полагания предельных оснований предмета науки в практике как объективном процессе преобразования общественным субъектом окружающего мира.

Таким образом, предмет науки – это объективированный в ее теоретическом и экспериментальном языке и представленный в виде особого рода «научной реальности» абстрактный, идеальный момент чувственно-предметной деятельности субъекта. *Формирование такого рода реальности является предпосылкой и содержанием работы внутри науки как специфической формы духовного производства* (выделено мной. – *С. Р.*).

Назовем этот непосредственный предмет работы ученого предметной реальностью и будем считать, что тем самым задано гносеологическое определение любых предметных спецификаций этого понятия: физической (начиная с известной статьи академика М. А. Маркова (см.: Вопросы философии. 1948. № 2) это понятие прочно вошло в методологию науки), астрономической (см.: Философские проблемы астрономии XX века. М., 1976), психологической (см.: Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопр. философии. 1977. № 7) и других реальностей. *Если непосредственным предметом знания является предметная реальность, то вопросы о существовании должны ставиться именно относительно ее, а не относительно неосвоенной деятельностью «материи» в натуралистическом ее понимании: СУЩЕСТВОВАТЬ для объекта науки – значит быть элементом ее предметной реальности* (выделено мной. – *С. Р.*)» [Сапунов, 1984].

Итак, в свете рассмотренных различий в философских и методологических основаниях классической и неклассической науки проблема реальности психики должна ставиться не относительно ее существования в объективном мире, а относительно предметной реальности. Аналогичный статус имеют физическая реальность, биологическая реальность, геологическая реальность и все предметные спецификации понятия «предметная реальность науки».

Особо хочется отметить аналогичную пригодность и, более того, необходимость пользоваться этим понятием в гуманитарных и социальных науках, к которым и принадлежит психология.

Безусловно признав реальность психики, признаем и факт отсутствия в современной

психологии признанной всеми психологами теоретической модели психической реальности, которая могла бы ответить на вопрос о том, какова она, эта психическая реальность, сущность психического, объясняющая все многообразие известных науке и многочисленным психологическим практикам психических явлений. Именно это положение дел и вынуждает господина Невежество и господина Сомнение поставить вопрос ребром: «Психическая реальность – что это: сакральный для многих психологов выдуманный конструкт или реально существующая сущность? Разве психологическая реальность реальнее дымки слов, из которых она соткана?».

Приходится признать уместность и эвристическую эффективность такой постановки вопроса. Хвала и честь нашим господам за остроту вопроса. Только это ведь вопрос не к природе и не к социуму, и не к человеку – «Что там у вас есть?». Это вопрос к науке, к ее деятелям, к ее состоянию, короче это вопрос, который должны были бы задать себе оба наших господина, если бы они встали на предложенную философскую и методологическую платформу неклассической науки. Построит психология свою предметную реальность, представит на обозрение всему миру теоретическую модель психической реальности такого высокого качества, чтобы эту модель можно было бы специалистам признать уже не моделью, а онтологической схемой психики, вот и появится психическая реальность уже не просто как пустое ныне место, обозначенное и предназначенное логикой науки для наполнения материалом, способным объяснить все или почти все психические явления, а как решенная наукой проблема.

А ныне конструкция «психическая реальность» в отличие от психических явлений и даже в отличие от психических процессов носит действительно сакральный характер. И это замечательно, ибо вера в возможность построить свой предмет и вывести его на уровень других предметных реальностей, уже принятых в своих науках – археологической, лингвистической, исторической и тому подобных реальностей, – эта вера дает силы многим психологам трудиться на поприще строительства своего предмета. Бог им в помощь.

Итак, эта сакральная сущность еще должна быть построена. И методология того, как это делается, как это было сделано в других науках, – вот главное, чем стоит озаботиться нашим господам в первую очередь. И одна из необходимых тем на этом пути – тема теоретического конструктора. Послушаем М. А. Розова.

«Легко показать изоморфизм теоретического знания и инженерного проекта. Простой и удобный пример – это кинетическая теория газов в ее элементарном и качественном выражении. Описание поведения газа эквивалентно проектному заданию. Мы знаем, что при уменьшении объема газа растет его давление и повышается температура, что при расширении газ охлаждается... Нам надо ответить на вопрос, как газ устроен. И вот мы конструируем газ на базе атомистических представлений, предполагая, что он состоит из множества беспорядочно движущихся частиц. Атомистика – это один из самых мощных теоретических конструкторов в составе естествознания. На его базе мы конструируем газы, жидкости и твердые тела, объясняем огромное количество явлений типа поверхностного натяжения, теплопроводности, диффузии, адсорбции, броуновского движения, геометрии кристаллов и т. д. <…>

Во всех этих случаях мы сталкиваемся с теоретическим конструированием и с наличием, следовательно, особого устройства, которое я называю теоретическим конструктором. Последнее – это сложная социальная программа, которая позволяет создавать проекты разных объектов с заданными свойствами. Эволюция познания – это в существенной ее части совершенствование форм и способов теоретического конструирования... Теоретический конструктор существенно отличается от инженерного, ибо операции, которые он предписывает, чаще всего не могут быть реализованы в практической деятельности... Еще более очевидно, что мы не можем практически построить газ, состоящий из маленьких упругих шариков, как это делал Л. Больцман. «Наиболее простым, – пишет он, – будет предположение, согласно которому молекулы являются совершенно упругими, бесконечно мало деформируемыми шарами, а стенки сосуда совершенно гладкими и такими же упругими поверхностями» [1956. С. 31]. Другими словами, теоретическое конструирование связано с идеализацией... В рамках теоретического конструктора мы можем... предпо-

лагать, что те или иные действия осуществляет сама Природа. При этом, что очень важно, решение любой инженерной задачи неоднозначно, и это относится и к теоретическому конструированию» [Розов, 2008].

Следовательно, и теоретическая модель психической реальности может быть не одна. Современная психология наработала несколько вариантов таких конструкций. Из известных мне назову модель В. М. Аллахвердова с идеальным мозгом, картину сознания В. П. Зинченко, модель онтогенеза сознания Н. Н. Вересова. Особо следует отметить незавершившиеся созданием модели, но направленные к этой цели разработки психолога К. И. Алексеева, основанные на использовании в качестве конструктора теории социальных эстафет М. А. Розова. Есть несколько оснований надеяться на продуктивность использования данного конструктора.

Во-первых, теория социальных эстафет задает один, общий для всех социальных явлений подход к пониманию их природы, основанный на онтологии волноподобных объектов – куматоидов (от греч. cuma – волна). Социальные программы живут на постоянно сменяемом материале, создавая особый тип реальности, не имеющей вещного характера: волну на воде не зачерпнешь ведром. Эта относительная независимость социальных программ от материала дает ответ на вопрос о способе бытия всех социальных явлений: все они существуют как волноподобные объекты, где механизм социальных эстафет обеспечивает бытие социальных программ и их трансляцию от человека к человеку и от поколения к поколению.

Во-вторых, в рамках теории социальных эстафет впервые была осознана специфика всех идеальных явлений как состоящая в их неатрибутивности, в незакодированности их свойств в их материале. Смыслы слов, их объективное содержание, их значения не выводимы из материала, участвующего в обеспечении их бытия. Они «записаны» в содержании социальной памяти, механизмами которой и являются социальные эстафеты. Исторически первоначально непосредственные, где воспроизводство актов поведения и деятельности осуществляется по непосредственно наблюдаемому образцу, а затем с развитием языка и речи – опосредованные, где воспроизводство происходит по вербальным инструкциям. Именно неучет этих социальных механизмов при анализе всех знаковых образований и создает ситуацию, порождающую необходимость обращаться к термину «идеальное».

Слово «идеальное» возникает из слова «нематериальное», которое фиксирует невозможность объяснить устойчивую связь знака и его значения ни из материала самих знаков, ни из материала вещей и ситуаций, которые этими знаками люди обозначают. Возможность чисто материалистически понять и объяснить природу феномена «идеальное», открывающаяся благодаря материальной природе социальных эстафет, поскольку именно в них укоренена связь знака и его смысла, объективного содержания и значения, снимает проблему оппозиции материального и идеального, переворачивая сознания людей, выросших в атмосфере их безусловной оппозиции. Это особенно важно для философской рефлексии психологов, нередко страдающих от необходимости продолжать жить в этой оппозиции.

В. П. Зинченко пишет: «Основные трудности как монодисциплинарного, так и полидисциплинарного исследования сознания связаны с необходимостью преодоления или даже отказа от оппозиции сознания и бытия, как, впрочем, и от оппозиции материи и сознания. Бинарные оппозиции утратили свой кредит, перестали порождать смыслы. М. К. Мамардашвили... называл феномены сознания “духовно-телесными образованиями”, “третьими вещами”. До него Г. Г. Шпет называл сознание “социальной вещью”» [2006. С. 208–209].

В гл. 26 «Онтология психического. Сознание “второй свежести”» В. П. Зинченко пишет: «Причина замеченных несуразностей... состоит, с одной стороны, в натуралистическом понимании внешнего и внутреннего, а с другой – в отождествлении их с абстрактными философскими категориями материального и идеального. Это неминуемо ведет к испарению онтологии психического. Идеальная психика как бы изолируется от бытия. Приходится прилагать специальные усилия, чтобы вернуть ее бытию, например, “единство сознания и деятельности”, “единство физического и психического”... Боясь упреков в идеализме, психология в очередной раз пожертвовала реальностью психического... Придание пси-

хике *только идеального* статуса обессмысливает требование объективного метода ее изучения» [2000. С. 140–141].

Наши господа тоже коснулись оппозиции материального и идеального, правда, ни разу напрямую не обратившись к понятию идеального. Но, поставив вопрос о том, являются ли психические явления «явлениями иного порядка», чем явления физические в широком смысле (материальные), господин Сомнение, видимо, допускает возможность их духовной, идеальной природы. О какой же еще «иной», кроме материальной, природе может идти речь? При этом он поясняет масштаб этой инаковости: это не так, как биологическое и химическое могут тоже быть рассмотрены как что-то отличное от физического. Нет, он спрашивает о другом, совсем «ином» порядке.

Именно поэтому, признавая существование психических явлений, господин Сомнение опасается прибегать к термину «психическая реальность», ибо это заставит его признать существование двух разных реальностей, двух разных сущностей. Одно дело – психические явления, их еще, быть может, когда-нибудь удастся свести к физическим, к физической сущности, подобно тому, как к ним удалось свести химические и биологические явления. А вот с психической реальностью сделать этого нельзя, ибо это уже не явление, не проявление некоторой неизвестно какой сущности, а сама эта иная, чем физическая и материальная сущность, а это – уже дуализм. И к тому же дуализм философский. Одна сущность материальная, а другая – «иного порядка», т. е. идеальная.

А дуализма оба собеседника стремятся избежать, ибо именно монизм и, более того, материалистический монизм являются идеалом и у одного и у другого господина. Вот позиция господина Сомнение: «Если мы исходим из принципа единства всего существующего, который является фундаментальным для любой монистической системы, то мы должны признать, что наша внутренняя жизнь устроена так же, как и все явления окружающего мира (с точки зрения современной физики, внутренняя жизнь, таким образом, есть система элементарных частиц, из которых состоят поля и вещество). Если же явление внутренней жизни, та же любовь, есть нечто иное, тогда она либо не является материальной (я предпочитаю термин “физической”), либо наше представление о материальном нуждаются в пересмотре».

С последним нельзя не согласиться. Оба господина не только не упоминают о социальных материальных явлениях, но рассуждают так, будто бы они вообще никогда об этом не слышали. А психология уже несколько сотен лет связывает решение своих проблем с необходимостью обращаться к миру социальных явлений, к языку, к культуре – в том числе и к материальной – к стихийным социальным силам и механизмам, к предметной человеческой деятельности и, конечно, к человеческому поведению. Удивительно, но о социальной материи нет ни одной мысли, ни одного слова. А вот, например, социальные эстафеты и социальны, и материальны. И обращение именно к ним в целях использовать эти социальные и материальные элементы в качестве конструктора психической реальности как реальности биосоциальной представляется перспективным. Вместе с тем оно, это обращение, опирается на «пересмотр наших (т. е. их, наших господ) представлений о материальном.

Господин Невежество тоже, как и господин Сомнение, стоит на позиции философского монизма. Вот его слова: «Если материя – это то, что существует в реальности, то психические явления материальны, ведь, судя по всему, последнее все же реально существует. Реальность и материя неразделимы: выражение “материальная реальность” есть плеоназм (преизбыток. – *С. Р.*), а “нематериальная реальность” – оксюморон (сочетание несочетаемого: живой труп. – *С. Р.*)». И еще: «Реальность едина, и эклектический подход, будучи вынужденным компромиссом, должен будет уступить свое место некой единой теории для явлений как психических, так и физических».

Однако материалистический монизм наших господ постоянно встречается с трудностями. Оба господина не готовы свести любовь к химии и через нее к физике, а других форм материальной реальности они как бы и не знают. Значит, дуализм. Но с дуализмом тоже не все так просто: их разговоры упираются то в дуализм философский, то в дуализм волны и частицы, который вовсе и не дуализм, а проявление Боровской дополнительности. Но наши господа словно и не замечают, что это вовсе и не дуализм. Однако успех квантовой физики, который приводит к возможности отказаться от термина «дуализм» применительно к элементарным частицам, не проходит мимо внима-

ния господина Сомнение. «Что же касается корпускулярно-волнового дуализма, – говорит господин Сомнение, – самое интересное, что он представляет теперь лишь исторический интерес. Физики уже давно не описывают поведение квантовых объектов в терминах “частицы” и “волны”, поскольку последние были лишь более или менее удачными метафорами, а метафорическое описание лишь одна из остановок на пути к *точной* интерпретации. В современной физике доминирует формулировка квантовой теории через интегралы по траекториям, которая не требует классических понятий “частицы” и “волны”. Иными словами, более полное понимание природы квантовых объектов позволяет избавиться от горького привкуса дуализма. *Не таков ли истинный путь психологии?* (выделено мной. – *С. Р.*). Когда мы действительно узнаем, что такое любовь, нам не будет нужды объяснять ее и как метаболический процесс (нечто физическое) и как глубокое чувство (нечто ментальное). Полное научное *объяснение* природы любви будет монистическим, что, конечно, нисколько не помешает и впредь *описывать* ее на языке поэзии».

Великолепно! Прекрасная речь господина Сомнение. Главное – попытка наметить путь развития психологии по линии монизма как продукта преодоления чисто метафорического дуализма за счет привлечения к анализу изучаемой реальности нового арсенала теоретических и методологических средств, разработанных квантовой механикой – Боровской дополнительности, вместо кажущегося дуализма «волны» и «частицы». Повторим вслед за господином Сомнение его возглас: «*Не таков ли истинный путь психологии!*». Думается, именно таков. Тем более, что сам Бор недвусмысленно на это указывает: «Позволю себе еще кратко остановиться на соотношении между психическими закономерностями и проблемой причинности физических явлений. При рассмотрении контраста между ощущением свободной воли, господствующей в духовной жизни, и кажущейся непрерывающейся причинной зависимостью сопровождающих ее физиологических процессов, *мыслителям не пришло в голову, что здесь может идти речь о невыявленной дополнительности* (выделено мной. – *С. Р.*). Чаще защищалось мнение, что практически невозможное, но мыслимое детальное прослеживание процессов в мозгу может выявить причинную цепочку, дающую однозначное отображение ощущаемых психических событий. Подобный мыслимый эксперимент выступает теперь в новом свете, поскольку после открытия кванта действия мы знаем, что детальное причинное прослеживание атомных процессов невозможно и что каждая попытка познать такой процесс сопровождается принципиально неконтролируемым вмешательством в его ход. Согласно высказанному взгляду относительно соотношения явлений в мозгу и психическими событиями мы должны быть готовы признать, что попытки наблюдать процессы в мозгу должны внести существенные изменения сопровождающего их ощущения воли. Хотя здесь речь идет только о более или менее подходящей аналогии, мы с трудом избавляемся от убеждения, что в привнесенном квантовой теорией недоступном нашим обычным воззрениям обстоятельстве мы получили средство для освещения самых общих вопросов человеческого мышления» [Бор, 1971. С. 60–61].

Итак, мыслителям не пришло в голову, что здесь может идти речь о невыявленной дополнительности. Речь идет о дополнительности физиологии мозга и психологии, т. е. о психофизиологической проблеме. «Мыслителям не пришло в голову». И до сих пор... хотя попытки использовать Боровскую дополнительность при анализе психических явлений были. Почему не получилось, еще предстоит выяснять...

И еще раз Н. Бор о психофизическом параллелизме: «Обсуждая применимость чисто физических идей к живым организмам, мы конечно подходим к жизни совершенно так же, как и к любому другому явлению материального мира. Мне, однако, едва ли нужно подчеркивать, что эта позиция, характерная для биологических исследований, отнюдь не предполагает игнорирования психологической стороны жизни, наоборот, признание ограниченности механических понятий в атомной физике скорее может быть полезным для примирения как бы противоречащих друг другу точек зрений физиологии и психологии. В самом деле, необходимость вводить в рассмотрение взаимодействие между измерительными приборами и объектом исследований в атомной механике представляет близкую аналогию со своеобразными трудностями психологического анализа, проистекающими из того факта, *что духовное содержание неизбежно меняется, если внимание сосредотачивается на какой-нибудь его определенной стороне* (выделено мной. – *С. Р.*). Мы бы ушли слишком далеко от нашего

предмета, если бы стали распространяться об этой аналогии, дающей существенные разъяснения психофизическому параллелизму» [Бор, 1971. С. 118–119].

Однако дело не только в дополнительности физиологии и психологии. Бор усматривает дополнительность и между отдельными феноменами психической жизни человека. Он пишет: «Обнаружение соотношений дополнительного характера является немаловажной задачей и в психологии, где условия для анализа и синтеза переживаний очень сходны с ситуацией, имеющей место в атомной физике. Фактически использование слов вроде “мысли” и “чувства”, в равной мере неизбежных для описания многообразия психических переживаний, относится к взаимоисключающим ситуациям, характеризуемым различным проведением линии, разграничивающей субъект и объект. В частности, выделение отдельного места чувству свободы воли связано с тем обстоятельством, что ситуации, в которых мы сталкиваемся со свободой воли, несовместимы с психологическими ситуациями, в которых предпринимаются обоснованные попытки причинного анализа. Другими словами, когда мы говорим слова “я хочу”, мы тем самым отвергаем логическую аргументацию...» [Там же. С. 398].

Это рассуждение, впервые показывающее возможность совместить в одном, едином взгляде на мир извечную проблему детерминизма и свободы воли, завершается глубоким философским осознанием особенности положения человека во Вселенной, напрямую связанное с темой «проблема психической реальности». «В общем и целом подход к проблеме объяснения, содержащийся в понятии дополнительности, напрашивается сам собой в нашем положении разумных существ и очень напоминает учение древних мыслителей о том, что в поисках гармонического отношения к жизни никогда нельзя забывать, что мы сами являемся одновременно актерами и зрителями драмы жизни» [Там же. С. 398].

Не исключено, что именно эта двойственность положения наблюдателя во Вселенной и создает все трудности в рассуждениях господина Сомнение и господина Невежество, пытающихся достичь монизма и постоянно сталкивающихся с дуалистическими следствиями. Пожелаем же им успеха в их трудном деле и в их преданности науке психология.

Список литературы

Больцман Л. Лекции по теории газов. М., 1956.

Бор Н. Избр. науч. тр. М.: Наука, 1971. Т. 2.

Вересов Н. Н., Агафонов А. Ю. «Внутреннее» – это где? Или возможна ли неэмпирическая теория сознания? // Журнал прикладной психологии. 2005. № 2/3. С. 11–26.

Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1989.

Зинченко В. П. Мысль и слово Густава Шпета. М., 2000.

Зинченко В. П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1. С. 207–231.

Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3.

Кун Т. Структура научных революций М.: АСТ, 2001.

Розов М. А. Познание и инженерное проектирование // Философские науки. 2008. № 3. С. 21–34.

Розов М. А. Философия как предмет преподавания // Вестн. Ун-та Рос. Акад. образования. 1997. № 3. С. 21–37.

Сапунов М. Б. Проблема реальности в биологии (предпосылки и уровни анализа) // Вопр. философии. 1984. № 12. С. 54–62.

Материал поступил в редколлегию 19.01.2012

S. S. Rosova

PROBLEMS OF PSYCHIC REALITY (ANSWER TO MESSRS DOUBT AND IGNORANCE)

A critical analysis of the article by A. A. Fedorov and A. I. Vasiliev «Psychic reality: 20 000 leagues under the sea (part 1)» is given. It is stated that psychology should be based on standards of contemporary nonclassical science.

Keywords: psychic reality, nonclassical science, social matter.